

К столетию комсомола

До последнего патрона

Девятнадцатилетний Иван Зуев, уроженец поселка Ближнее Песочное, что под Выксой, после окончания фабрично-заводского училища в 1926 году направляется в село Вознесенское, где возглавил волостной комитет комсомола.

В доме Горячевых

Бывший в двадцатые годы одним из первых пионерских вождей и хорошо знавший Зуева Василий Андреевич Тихонов рассказывал мне о нем:

— Заводила, комиссар от природы. Помню, как-то на заседании волкома комсомола меня покритиковали за недостаточную работу. Я так сильно расстроился! Он подошел после заседания, похлопал по плечу и говорит: «Переживаешь — значит на пользу».

Вспоминаю встречу тридцатилетней давности, состоявшуюся в доме Горячевых. Федор Иванович проживал с супругой в Вознесенском в доме по улице Заречной. В гости к ним приехали из Ленинградской области Евгения Ивановна Нёнина (в девичестве — Гольцова) с дочерью Азой. Стоило перешагнуть порог старенького дома на Мызе, как нельзя было не обратить внимание на эту патриархальность обстановки в комнате. Ничего лишнего, всё более чем скромно.

Евгения Ивановна вспомнила свою юность в Вознесенском, начав рассказ с Вани Зуева. Тот, прибыв из Выксы, сразу стал у нас душой молодежи. К нему потянулись Василий Нёнин (будущий муж Евгении Ивановны), Василий Тихонов, Мария Чурмаева, Иван Рыбкин, Раиса Урлякова, Клавдия Васьнецова. Наша собеседница извинилась, что не может вспомнить всех ребят и девчат из комсомольского актива.

— Жизнь была ключом, — продолжала она. — Проводили различные субботники. В клубе на Горе, которым заведовал мой будущий муж, ставили спектакли. Ездили с ними по окрестным селам и деревням. Занимались антирелигиозной пропагандой. У нас с Василием даже свадьба проходила в Чистый четверг, накануне Пасхи, что считалось по тем временам смелым поступком. Зуев во всех делах был заводилой. И по должности, и по своему открытому характеру. Работы у нас прибавилось, когда стали агитировать народ вступать в колхоз.

Федор Иванович, поддерживая разговор, вспомнил, что Ваня Зуев не раз заходил к ним домой попросить у отца лошадь съездить по делам в соседнее Варнаево. Старый Горячев уважал парня и никогда не отказывал ему в просьбе.

Сдружился комсомольский секретарь и с Гольцовыми. Отец Евгении Ивановны давал ему охотничьи лыжи, а когда надо, и лошадь. Тот умело запрягал ее что в сани, что в телегу и ездил в только что созданные колхозы, непременно возвращая савраску в срок. Обязательным был парнем.

Горячев снял висевший на стене портрет, в котором под стеклом по давню заведенному обычаю выставлялись на обозрение фотографии. На одной из них — Зуев и Нёнин. Вожак вознесенского комсомола стоит, положив руку на спинку венского стула. Красивый. С зачесанными назад волосами. В вышитой на украинский манер сорочке. На другой фотографии запечатлен весь комсомольско-молодежный актив Вознесенской волости. Секретарь, опершись на локоть, полужелезится в первом ряду. В длинных,

до колена, фасонистых сапогах из мягкой кожи. На обороте снимка — его размашистая подпись.

«Комсомольская» оплеуха

— Таким он и остался в моей памяти. Молодым, красивым, с румянцем на щеках, — говорит Евгения Ивановна. И рассказала случай, о котором, как выразилась, может быть, и не стоит упоминать в газете.

Но что было, то было. Она тогда работала пионервожатой. Ее, Зуева и Нёнина избрали на пионерскую конференцию в Выксу. Обоих ребят выдвинули в президиум. Она — в зале. Зуев председа-

Секретарь Вознесенского волкома комсомола Иван Зуев (1928 год)

дательствовал. Поднялся, чтобы зачитать повестку дня. В это время сидевший рядом с ним Нёнин отодвинул его стул в сторону. Председатель, закончив читать, естественно, не оглядываясь назад, садится... и падает прямо на пол. Шутка, конечно же, более чем дурацкая. Но молодость брала свое. В зале — смех. Вскочив с пола, Зуев, плюнув в ладонь, закатил своему другу такую оплеуху, что и тот слетел со стула. Делегаты хохотали до слез.

На другой день работы конференции по этому случаю выпустили стенгазету, где досталось и шутнику, и любителю раздавать оплеухи. Удивительное дело, но ни у того, ни у другого не было каких-то обид. Их дружба продолжалась.

В 1929 году, когда Ивана перевели возглавлять Ардатовский райком комсомола, его преемником в Вознесенском стал Виктор Воздвиженский из Бутакова, будущий генерал-майор артиллерии.

Секретарем Вознесенского райкома комсомола избрался также Василий Нёнин. Работал он в этой должности непродолжительное время. Был призван в ряды Красной Армии, но письменную связь с Зуевым не терял. После армейской службы Нёнин учится в партшколе, позднее работает в Варнавинском райкоме партии Горьковской области, вначале — инструктором, в тридцать с небольшим лет его избирают первым секретарем райкома ВКП (б).

Кадровым военным становится Зуев.

«К этим делам я привык...»

Мало-помалу фамилия Зуева стала забываться в Вознесенском районе. С особой силой зазвучала она уже в середине шестиде-

сятых годов, когда стали известны обстоятельства гибели дивизионного комиссара (звание можно приравнять к нынешнему «генерал-майору»).

Двенадцатилетняя Наташа Орлова из деревни Коломовки Чудского района Новгородской области, помогая родителям, пасла совхозных коров близ железной дороги Ленинград — Москва. Приметив у полотна небольшой бугорок, схожий с могильным холмиком, заинтересовалась. Стала расспрашивать взрослых, которые ей сказали, что это «комиссарова могила». Начался поиск. Материал о члене Военного Совета 2-й Ударной армии Иване Зуеве и письмо девочки были опубликованы в газете «Известия». Ученики Вознесенской средней школы ездили на 105-й километр железной дороги, где был открыт мемориальный комплекс. Наш «Колхозный путь» рассказывал об этом.

Завязалась переписка школьников с Екатериной Ивановной Зуевой. Она жила в Ардатове и неоднократно приезжала в Вознесенское, выступала на пионерских слетах и комсомольских собраниях. Рассказывала, какие прекрасные письма писал ей муж.

Воспроизведем отрывки из некоторых.

10 июля 1941 года. «...Дело, конечно, серьезное. Война — это сложная работа людей. Однако ты меня знаешь, к этим делам я привык...»

12 августа 1941 года. «...Катюша, я все облигации, в том числе и новый заем, отдал в фонд обороны, этого получилось более 10 000 рублей...»

3 октября 1941 года. «Чертовски хочется раздвинуть всю эту гадость, и не без оснований, что мы сильно крепнем во всех отношениях...»

13 февраля 1942 года. «...Собралась теперь вся моя «капелла». Живем дружно. Все они у меня очень боевые — с такой «капеллой можно и в огонь, и в воду...»

23 февраля 1942 года (последнее письмо). «...Чувствую себя, Катюша, хорошо. Как и все, конечно, несколько устал, однако это, в свою очередь, и больше сил порождает, злости к этой мрази. Одним словом, настроение, моральный дух крепкие, жизнеспособные.

Готовимся к большому делу, в делем сейчас такое же великое дело...»

И в каждом письме интересуется, как там их Юра и Вовулька.

Человек героической судьбы

В тридцать лет добровольцем-танкистом он отправляется в охваченную войной республиканскую Испанию. Воюет в интербригаде под вымышленной фамилией Зуев. Судьба сводит его с известным кинорежиссером Романом Карменом, который много позднее, когда Зуева вычеркнули из списка пропавших без вести и стали известны обстоятельства его гибели, снимет фильм о легендарном комиссаре, его верности и преданности Родине. Но лента почти полтора десятка лет пролежала на полке: ее с большим опозданием показали по Центральному телевидению, но с купюрами.

Были явные противники героя. И самый влиятельный из них — начальник Главного политического управления Советской Армии генерал армии Епишев, который считал, что нечего проплачивать Зуева, и даже заявил: «Если бы он остался жив, мы бы его расстреляли». В вину комис-

Командующий 2-й Ударной армией генерал-лейтенант Николай Клыков (справа) и член Военного Совета армии дивизионный комиссар Иван Зуев (март 1942 года)

сару он поставил предательство командующего армией Власова. Вроде бы Епишев затормозил и представление Зуева командованием Ленинградского военного округа к званию Героя Советского Союза.

Вернемся к тем событиям. В 1938-м Зуев избирается депутатом Верховного Совета Украинской ССР. К началу Великой Отечественной войны тридцатичетырехлетний офицер имеет за плечами большой опыт политической работы. За бои на испанской земле его наградили орденом Красного Знамени и Красной Звезды. Второй орден Красной Звезды — за бои на Карельском перешейке.

— 30 июня 1941 года наша армия с боями вышла из окружения в районе Полоцка, — вспоминал бывший помощник комиссара, полковник в отставке Яков Степанович Бобков. — Войска проявили железную стойкость и высокую организованность. Они нанесли несколько ударов по захватчикам и сохранили боеспособность. В этом большая заслуга Военного Совета и лично Ивана Васильевича.

Яркой страницей вошла в историю Великой Отечественной войны Тихвинская операция, ставшая по существу первой наступательной операцией Красной Армии. В результате ее войска 4-й армии, где Зуев был членом Военного Совета, освободили железную дорогу Тихвин — Волхов, по которой пошло продовольствие для осажденного Ленинграда. Лично Зуеву было поручено восстановить мост через реку Сясь, с чем он справился блестяще.

На братской могиле

Не мог не знать, что недалеко от этих мест, под Старой Руссой, погиб его вознесенский друг Ваня Нёнин. В грозном 42-м старший политрук Нёнин был начальником особого отдела лыжного батальона 1-й Ударной армии.

Ленинградские гости расстилают у Горячевых во весь стол экскурсионную карту Новгородской области, на которой помечены значащие места гибели друзей по комсомольской юности. Евгения Ивановна рассказывает, как они со своим сыном Жоржем (я не могу обратить внимание на имена ее детей — Аза и Жорж; у вознесенских коммунистов довоенной поры не считалось диковинкой давать подобные своим детям, то была своего рода мода) ездили на братскую могилу. На плитках, установленных на воинском захоронении у д.Астрилово Старорусского района, выбиты имена павших в тамошних ожесточенных боях. По 20 фамилий на каждой. На одной из них значится

военный контрразведчик Василий Петрович Нёнин.

Когда ехали обратно на автобусе, одна из местных старушек, одетая в стеганку, стала вспоминать:

— Ой, что творилось тут! Сущий ад был. Погибло видимо-невидимо.

В неполные 30 лет Нёнина с тремя детьми на руках осталась вдовой. Да разве ей одной доверлось горе мыкать!

— Мне еще полечке было, — продолжает она печальный рассказ. — Как жене военного политработника, выдали пенсионную книжку с зеленой полосой и платили по полторы тысячи рублей в месяц. А каково было другим перебиваться, у кого мужья или сыновья оказались без вести пропавшими?! Им вовсе не платили.

Как совесть велела

В начале марта 1942-го Зуев получает назначение членом Военного Совета 2-й Ударной армии, оказавшейся в апреле по обстоятельству во вражеском котле. Войска снабжались только по воздуху, ночью.

Не дождавшись помощи, обескровленная и истощенная армия Великой Отечественной войны сумела сама прорвать линию окружения около поселка Мясной Бор Новгородской области и выходила из котла частями. Дивизионный комиссар, проведя по «коридору смерти» одну группу, неизменно возвращался назад, заявляя бойцам: «Выйду последним». Вышел из окружения 18 тысяч солдат и офицеров. Вышли не все.

...Исхудавший, в оборванной военной форме с двумя «рамбами» в петлицах и с комиссарской звездой на левом рукаве человек из-за кустов окликнул работающего на железной дороге. Один из них, оказавшийся фашистским прихвостнем, вылезал помочь и побежал к деревне. Окруженный немцами Зуев продолжал отстреливаться, оставив последний патрон для себя.

А сменявший к тому времени Клыкова командующий армией Власов (к слову, тоже родом из нашей области) сдался в плен, заслужив тем самым всеобщее презрение даже со стороны врагов, правда, в последнее время кое-кто тужится доказать, что Власов так боролся со сталинским режимом.

Любопытна судьба Наташи Орловой. Прожила с мужем в счастливом браке семь лет. Родились две дочери. Военный летчик капитан Владислав Ластухин был сбит в Афганистане. Успел катапультироваться. Будучи окруженным душманами, отстреливался. Последнюю пулю оставил для себя. Как Зуев.

Николай ШЕМЯКОВ